Тамара Ключинина

Папенька, Вам конец!

Тамара Ключинина
Папенька, Вам конец!

https://litres.ru/74517823

Аннотация

Кто мог убить провинциального купца? Да кто угодно: в этом доме мотив у каждого! У Дарьи всего сутки, чтобы вычислить того, кто оставил в груди ее отца фамильный кинжал, а в сейфе – фальшивое завещание, и при этом не оказаться под подозрением. Сможет ли купеческая дочка перехитрить тех, кто считает ее просто наивной барышней? Что вас ждет: • Атмосфера Российской империи конца XIX века • Решительная героиня, которая не собирается падать в обморок • Подозреваемые, запертые под одной крышей • И, конечно, любовь!

Выражаю искреннюю благодарность литературному редактору Наталье Соболевой за профессиональную помощь в работе над этой книгой!

История выходит в рамках литмоба "провинциальный детективъ"

PS. Какое убийство без поминок? В моей книге герои употребляют алкогольные напитки, поэтому рейтинг 18+

Содержание

От автора 4
Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 24
Глава 4 32
Визуализация: кинжал 48
Глава 5 49
Глава 6 59
Конец ознакомительного фрагмента. 61

От автора

Дорогие читатели!

События этого детективного романа происходят в уездном городке Арзамасе во времена правления Александра II. Крепостное право уже отменено, а женское образование начинает приобретать популярность.

Впрочем, справедливости ради: в XIX веке здесь был вовсе не сонный уголок. Через Арзамас проходил знаменитый Сибирский тракт, а удобное расположение на полпути от Москвы до Нижегородской ярмарки и вовсе сделало его важным транспортно-торговым узлом тех лет.

Все имена, персонажи и события вымышлены, но исторический контекст я постаралась передать достоверно.

Приятного чтения и увлекательного расследования!

Глава 1

Дарья

Дорога от пансиона до нашей усадьбы занимала два дня, если гнать лошадей без передышки. Илья Ильич, новый личный секретарь папеньки, как я поняла, именно так и намеревался поступить.

– Давай живей! Кнута им всыпь! – беспрестанно высовывался из окна, покрикивая на кучера, этот долговязый, словно рыбья кость, молодой мужчина, отчего его тщательно уложенная прическа с прямым пробором вскоре превратилась в воронье гнездо, челка прилипла к вспотевшему лбу, а светлый галстук, завязанный простым узлом, сбился набок и болтался на шее, будто забытая салфетка.

От его окриков экипаж ненадолго ускорялся, подпрыгивая на ухабах, и тогда сидевшая напротив меня Аграфена Ивановна – экономка, которую папенька отрядил блюсти мою девичью честь – судорожно хваталась пухлыми пальцами за ременную петлю у окна, однако с секретарем она не спорила: лишь вздыхала, вздрагивая при его окриках, и неприязненно косилась.

«Интересно, почему она такая… дерганная? В моем детстве она была спокойнее…».

А за окном, словно в насмешку над этой лихорадочной суетой, пейзажи проплывали однообразные и унылые: вдоль

тракта тянулись пустые поля с остатками снега, перемежающиеся пролесками с голыми ветками берез, а над всем этим великолепием нависало серое весеннее небо, навевая смутную тревогу.

– Дарья Генриховна, что такое? А может, перекусить снедью в экипаже? У нас с собой и пироги, и холодная телятина, и картошечка отварная… – заискивающе улыбался секретарь, когда мы остановились у харчевни, явно переживающей не лучшие свои годы, – До вечера всего ничего осталось.

– Вы, Илья Ильич, можете перекусить чем угодно и где угодно. Я же намерена пообедать как следует. И ночевать мы остановимся в приличном месте. С ужином и завтраком.

Он побледнел, а его глаза забегали.

– Но батюшка ждет-с и велел беречь деньги…

– Батюшка выдал деньги на мои расходы, – перебила я, не повышая голоса, – Если я буду голодна и больна от тряски, кто понесет ответ? Вы, Илья Ильич, можете не сомневаться, я нажалуюсь!

Я выдержала паузу, давая ему возможность представить эту картину: папенька, узнавший, что его дочь занемогла по дороге из-за скаредности секретаря.

Аграфена испуганно охнула. Илья Ильич скрипнул зубами, но кивнул, соглашаясь на мои условия, и к вечеру экипаж, наконец, остановился у крыльца вполне приличного постоялого двора с выцветшей вывеской.

Я накинула на плечи новенький расшитый торжокским

шитьем платок. Маменьке и бабушке и я припасла такие же – непростительной глупостью было бы возвращаться из Тверской губернии без них. А еще я везла с собой целый ворох писем и рисунков от младших сестер, Анны и Вареньки, оставшихся доучиваться в пансионе.

В пансионе для купеческого сословия мы с сестрами изучали не только этикет, танцы и французский язык. Директриса мадам Леонтьева, статная женщина с острым взглядом, оказалась тайной суфражисткой, организовала для нас изучение экономических наук, но и, – что еще важнее, – старалась привить навык думать наперед в любой ситуации.

И сейчас, чтобы обдумать свое возвращение, мне нужно было чуть больше информации, чем из маменькиных писем о цветущих розах в саду. Убедившись, что папенькин секретарь смирился и позаботился о комфорте (ожидаемо, не забыв и о себе), я велела подать ужин в выделенные нам покои и пригласила экономку присоединиться ко мне за трапезой – специально, чтобы поговорить без помех и лишних ушей.

Комнаты были чистенькими, хоть и по-сиротски пустыми, но главное, что на столе уже дымился ужин: глиняная миска с горячей похлебкой, румяные ржаные лепешки, горка соленых огурцов и копченая грудинка на деревянной доске. Свеча в медном подсвечнике бросала дрожащие блики на стены, отбрасывая длинные тени от наших фигур.

Экономка сначала, конечно, отнекивалась, мол, не по чину ей с хозяйской дочкой ужинать, но все ж, было видно,

что ей приятно такое внимание. А после сытных блюд, когда служанка убрала пустую посуду, я завела беседу с ней мягко, как с родной, стараясь расположить ее к откровенности.

– Аграфена Ивановна, а этот Илья Ильич… Давно он при папеньке? – он мне сразу не понравился, и я решила начать с него.

– Да уж года три, почитай… – по тому, как она поджала губы и едва заметно покачала головой, я поняла, что ее неодобрение мне не почудилось в дороге.

– Видно, батюшка ему доверяет? Только... не слишком ли он командовать взялся? Или это он всегда так?

Она покосилась на дверь, потом на меня.

– Доверяет… – неохотно протянула, – Молодой еще, а уж больно нос задирает. Когда за Вами ехали, будто барин, велел еще по делам в город заехать да задержался... А коней потом велел гнать нещадно, оплеух Прохору раздать пытался даже. Перед слугами таким гоголем ходит, что не приведи Господь. Того и гляди, скоро плевать свысока-то начнет на нас.

– А папенька позволяет, значит? – вкрадчиво уточнила я.

– Да будто дело ему... – буркнула Аграфена, но тут же спохватилась, – То есть… я не про то, барышня. Барин-то его ценит. Вот он и важность свою чует.

– А кто еще дома... покровительством у папеньки пользуется?

Экономка поджала губы, глядя в угол, где на обоях тем-

нело подозрительное пятно.

– Ох, барышня, не губите... – прошептала она, и тут я поняла: это не просто молчаливость, это страх.

– Аграфеночка Ивановна, родненькая! Я ведь не со зла спрашиваю. Я восемь лет не была дома. Я ничего не знаю... Матушка писала, что все прекрасно, но я же вижу... Этот Илья Ильич... Да и Вы глаза при папенькином имени опускаете...

Экономка явно колебалась – говорить или нет. Я жалостливо заглядывала ей в глаза и выжидательно молчала. Наконец, она сдалась:

– Ну, есть там одна…

– Кто? – упавшим голосом тут же спросила я

Она замялась еще больше, явно уже жалея, что начала рассказывать. Сдобная, пышная, она всегда казалась мне воплощением домашнего уюта, но сейчас ее обычно добродушное лицо посуровело: брови сдвинулись, а губы неодобрительно поджались.

– Все равно ведь узнаю, – я потупилась, – а так, если готова буду к такому... может, дров не наломаю хоть...

– Марькой звать. Из бывших крепостных. Осенью еще в людской сидела, а нынче уж в гостиной чай пьет. Нос задрала, будто барыня, – проворчала она.

– Это папенька ее… приблизил?

– Можно и так сказать, да… Дура она, – Аграфена неожиданно зло усмехнулась, – Будто не догадывается, сколько та-

ких до нее было. Как начнут наглеть – хозяин их в два счета вышвыривает.

– А матушка что? – осторожно уточнила я, – Видит это?

Она промолчала, но вздохнула так тяжело, что свеча дрогнула. «Не время эмоциям волю давать», – уговаривала я себя, чувствуя, как подступает к горлу совершенно неуместная для выпускницы пансиона злость пополам со слезами.

– А папенька как, здоров ли? Все так же гневлив?

– Ох, барышня… Зря я Вам рассказала... Вы уж не губите, да только папенька ваш… – она понизила голос до шепота, – характером еще хуже стал. Вы бы ему не перечили, если что...

– Благодарствую за совет, а маменьку он... сильно обижает? – это было чистой воды предположение, но судя по тому, как она дернулась, я угадала, – Вы уж скажите, как есть, я никому не выдам!

– Да что вы, барышня! – она перекрестилась, – Не надо так говорить. Просто… бывало, вспылит.

– Часто? – помертвевшим голосом спросила я, отказываясь до конца поверить во все это.

Она молчала, кусала губы, и я поняла, что тему пора менять.

– А купец Онищев? – спросила я, вспомнив имя, которое мелькало в последних письмах матери, – Маменька упоминала недавно, что он частый гость нынче у папеньки?

– Бывает, – подтвердила Аграфена, явно выдохнув, – ба-

тюшка Ваш его дюже привечает да за семейный стол приглашает. Видно дело общее у них намечается.

«Надо же, как совпало... прямо к моему приезду... И маменька про замужество речь завела... Только вот если папенька мечтал, что из меня вылепят безмолвную девицу, пригодную только для замужества, надо было лучше выбирать пансион!»

Мне же хотелось открыть аптекарскую лавку. В пансионе у нас был курс травничества, и я поняла, что это мое. Лекарства, сборы, помощь людям – честное, настоящее дело! Я представляла, как собственноручно готовлю успокоительный сбор: вот насыпаю в льняной мешочек золотистые головки ромашки, щепотку мяты, вяжу тесемку.... И возможно даже папенька бы мной гордился… Это ли не мечта?

Но теперь, глядя на испуганную экономку и вспоминая матушкины письма – всегда ровные, без единой жалобы, словно причесанные, – я почувствовала, как внутри все холодеет. Захотелось немедленно развернуть экипаж обратно в пансион, к сестрам, к запаху учебников и воска в коридорах, но я сжала зубы: «*Я уже не та девочка, которую увезли восемь лет назад, нет-нет! Я приеду и все увижу своими глазами! И только потом буду делать выводы!*».

– Спасибо, Аграфеночка Ивановна, – тихо сказала я, глядя на оплывающую свечу, – Иди отдыхай. Я... мне надо подумать...

Глава 2

На четвертый день пути случилось то, что Илья Ильич потом еще долго проклинал: экипаж остановился посреди дороги.

– Что там еще? – растрепанный секретарь выскочил наружу, как ошпаренный. Я приоткрыла шторку и выглянула, чтобы понаблюдать, как Прохор суетится вокруг лошади, а вокруг них нарезает круги папенькин помощничек. Оказалось, под подкову забилась щепа, оттого бедняжка захромала.

– Долго ты там возиться будешь еще?! – закричал секретарь, – Дай сюда нож!

Конюх протянул ему инструмент, Илья Ильич выхватил его и сам полез к лошадиному копыту.

– Коня лучше держите, дурень! – рявкнул он.

Он ковырял щепу, торопился, дергался. Лошадь нервничала все сильнее, прядала ушами. Внезапно она мотнула головой, дернула ногой, и господин секретарь вскрикнув, отдернул руку – с большого пальца правой руки хлестала кровь.

– Черт! – выругался он, тут же бросив нож, и вернулся в экипаж бледный, злой, с окровавленной рукой. Аграфена засуетилась, достала чистые тряпицы, принялась перевязывать. Илья Ильич шипел сквозь зубы, вытянув руку, как ра-

неный генерал, и бросал на меня исподлобья злые взгляды, будто лично я одной рукой подсунула щепу под копыто, а второй – вручила ему тот нож. Лошадь после этого приключения захромала еще сильнее – видно, Илья Ильич все же сделал только хуже. Пришлось ехать медленнее.

А потом, словно в насмешку над секретаршескими планами, погода испортилась. Ветер поднялся внезапно, завыл, закрутил. Небо почернело, и через полчаса разразилась настоящая весенняя гроза. Громыхал гром, и лошади шарахались, от чего экипаж трясло немилосердно, а вспышки молний выхватывали из темноты испуганное лицо Аграфены Ивановны и злое – Ильи Ильича.

Ощутив все прелести весенней распутицы, мы въехали во двор усадьбы, когда до ужина оставалось всего пару часов.

– Дарьюшка!

Мать ждала меня в передней. Я бросилась ее обнимать, соскучившись после долгой разлуки, и только потом, уже отстраняясь, заметила желто-фиолетовые следы на запястьях, которые она тут же попыталась спрятать под кружевными манжетами.

– Маменька, что же это?

– Ах, глупости, – она отдернула руку и натянуто улыбнулась, – Поскользнулась на лестнице. Упала неудачно... ступеньки скользкие...

Я попыталась поймать ее взгляд: «*Посмотри на меня... Скажи, что я напридумывала себе ужасов из-за глупой*

Аграфениной болтовни!». Но она смотрела куда угодно – на мое плечо, на дверной косяк, на суетящихся слуг, – только не в глаза. И в эту секунду во мне что-то оборвалось, словно туго натянутая струна лопнула с тихим звоном: «*Значит, правда… Все правда!*».

В прихожую уже вбегали слуги, суетились с багажом, кто-то спрашивал про ужин. Я стиснула зубы так, что заныли скулы, но заставила себя улыбнуться, – не при слугах же демонстрировать эмоции! – и остановила лакея, проходившего в тот момент мимо нас с моим саквояжем.

– Маменька, я привезла кое-что из пансиона, – сказала я, расстегивая ремни, – От Аннушки и Вареньки, – и достала аккуратно перевязанный бечевкой сверток – в него я завернула все накопленные за последние месяцы письма и рисунки, чтобы не помялись в дороге.

– Радость-то какая! И даже Варенька сама? – ахнула она, и ее голос сорвался на шепот.

– И Варенька, – я протянула сверток, – Она уже сама выводит буквы. Почти без клякс.

Маменька развязала бечевку дрожащими пальцами, и первое, что упало ей в руки, был рисунок – корявый домик с трубой, из которой валил дым, и три фигурки с огромными глазами и бантами на косах. Сверху неровными печатными буквами: «МАМЕНЬКЕ».

– Господи, – выдохнула она. Слезы блеснули на ее ресницах, но она быстро моргнула, пряча их, – И ты когда-то такие

рисовала...

Она перебирала листки, словно не в силах оторваться. На пару мгновений ее пальцы задержались на одном из писем – аккуратным Аннушкиным почерком, без помарок, – и как счастливо она улыбнулась. Она листала их письма, рассматривала Варенькины каракули, а я не могла отделаться от мысли, что где-то в этом же доме ходит человек, который посмел поднять на нее руку. Я неловко переступила с ноги на ногу, и она тут же убрала письма обратно в сверток, прижав его к груди, словно это было самое дорогое сокровище на свете.

– Спасибо, Дарьюшка! Я потом все прочту. Пойдем, провожу тебя?

Я обняла маменьку вновь, ощутив себя так, словно вернулась на минутку в детство.

– Я пойду умоюсь с дороги, и к папеньке загляну.

– Да-да, он ждет, – закивала матушка, и мы вместе, не торопясь, пошли на третий этаж, где располагались спальни, – Только ты... ты уж не спорь с ним, Дарьюшка...

– Конечно, маменька.

Умылась холодной водой, переоделась в домашнее платье – строгое, закрытое, совсем не праздничное. Вдохнула и отправилась к нему.

– Явилась? Ну, здравствуй! – произнес он, не вставая из-за массивного стола, занимавшего полкабинета, и смерил меня тяжелым взглядом из-под нависающих век с ног до голо-

вы. На его багровом лице с выступающими прожилками не отразилось ни тепла, ни радости.

– Здравствуйте, папенька, – присела я в реверансе, как учили, с прямой спиной и опущенным взглядом.

Я всматривалась в его лицо, пытаясь найти там хоть что-то от того человека, которого помнила с детских лет. Тогда он казался мне огромным, важным, как царь из сказки, а сейчас... «*Почему я ничего не чувствую*?» – мысль ударила под дых, и я едва не покачнулась, осознав ее, – «*Он же мой отец! Я должна его любить и почитать…*». Но, видимо, его коротких наставлений в конце маменьких писем оказалось недостаточно, чтобы хотя бы радость от встречи скрашивала наш разговор…

Я шагнула ближе и протянула отцу сверток:

– Папенька, Варенька и Аннушка передают Вам поклон. Рисунки и письма. Варенька теперь сама пишет, очень старательно.

Он взял сверток, повертел в руках, но развязывать не стал. Положил на край стола, прямо поверх страниц раскрытой учетной книги.

– Хорошо, – сказал он равнодушно и тут же, словно ничего и не было, продолжил, – Завтра к обеду прибудет Степан Парфенович Онищев. Достойный купец, вдовец к тому же. Ты будешь с ним вежлива и внимательна: я выбрал его в женихи тебе. Веди себя соответственно.

Я медленно выдохнула, глядя на сверток, который так и

остался лежать не развязанным. Рисунки, которые Варенька медленно выводила, высунув язык от усердия. Письмо, которое Аннушка переписывала трижды, чтобы не было помарок. Все это оказалось на краю стола поверх раскрытых учетных книг, рядом с полупустым графином и рюмкой, словно папеньке не было до них никакого дела. Я медленно выдохнула, успокаивая нервы.

– Папенька, я хотела поговорить с Вами о другом.

– О чем же? – он налил себе в рюмку, ничуть меня не стесняясь.

«Вот он, мой шанс!»– внутри у меня все кипело, дерзость так и рвались наружу, хотелось воскликнуть: «*Я не выйду за Вашего Онищева! Я не для того восемь лет училась разбираться в финансах, чтобы стать украшением гостиной!»*.

Я открыла рот. И тут же закрыла, вспомнив слова мадам Леонтьевой: «Девочки, криком вы ничего не добьетесь! Запомните: мужчины слышат только то, что похоже на их собственные мысли. Говорите коротко, внятно, логично!».

– Я хочу открыть аптекарскую лавку, – уверенным голосом начала я, – В пансионе меня учили не только танцам, но и травничеству, основам торгового дела. Я могла бы приносить доход семье, а не только требовать приданого.

– Лавку? – он резко перебил меня, нахмурившись, – Лавка – не женское дело. Выбрось эти глупости из головы!

В этот момент двери позади меня чуть скрипнули, и в кабинет, словно уж, проскользнул Илья Ильич. Он тут же при-

строился у стены сбоку от меня и чуть склонил голову, словно в почтении, но краем глаза я заметила нескрываемое пренебрежение в его взгляде, направленном на меня.

– Совершенно верно-с, Генрих Карлович, – вкрадчиво поддакнул он, – Девкам не место в мужских делах!

«И как только у него спина не устает столько гнуться?!»– я метнула на него злобный взгляд, но он сделал вид, что не заметил.

– Но подумайте, батюшка, – я говорила спокойно и размеренно, – Вы вложили в мое образование деньги. Дайте мне возможность их преумножить! Открыть дело, которое будет приносить доход семье…

– Доход семье будет приносить твой брак с Онищевым! – рявкнул он, стуча кулаком по столу, – Хватит глупостей! Ступай в гостиную, там бабка твоя приехала, и этот… хромой черт тоже там торчит.

Илья Ильич, не дожидаясь приказа, поспешно шагнул к дверям и распахнул обе створки передо мной с преувеличенной почтительностью.

– Прошу Вас, барышня, – произнес он с едва уловимой насмешкой.

Мне стало горько. Совершенно очевидно, что спорить бесполезно, и я, сделав вежливый книксен, вышла и направилась обратно в свою комнату. «*Выбрось из головы*… – эхом звенело у меня в ушах, – *Эти глупости! Моя жизнь, мечты и восемь лет трудов!* – и я зажмурилась, считая до

десяти, как учили в пансионе, когда хотелось расплакаться.

Моей выдержки хватило как раз, чтобы вернуться на третий этаж, аккуратно затворить за собой дверь и прижаться лбом к холодном стеклу, обхватив себя за плечи. Мадам Леонтьева, к которой я очень привязалась за эти восемь лет, просила писать ей письма, и я представила, как пишу ей: «*Дорогая мадам Леонтьева, я только что применила Ваш урок на практике: чем громче мне хотелось кричать, тем тише и короче были мои слова. И знаете что? Отец все равно рявкнул и велел выбросить глупости из головы! Наверное, я что-то делаю не так…*». Слезы все же выступили, но я нервно смахнула их, переводя взгляд на небо за окном: «*Только не сейчас... Бабушка ждет в гостиной и, наверняка, расстроится, если увидит меня заплаканной!*».

Наконец, успокоившись, я поправила выбившуюся прядь и поспешила вниз по лестнице.

В гостиной на первом этаже действительно обнаружилась бабушка по маменькиной линии, Маргарита Гавриловна, сидящая в кресле у камина, а напротив нее, в соседнем кресле, я увидела нашего соседа по усадьбе, Филиппа Ивановича, мужчину лет пятидесяти с тростью, прислоненной у подлокотника. «Вот уж над кем время не властно!» – промелькнула у меня мысль. Он по-прежнему, как и восемь лет назад, выглядел опрятно и подтянуто, и даже седина лишь едва затронула его виски.

– Добрый вечер! – я присела в реверансе.

– Внученька! – бабушка протянула руки, и я поспешила к ней, чмокнула в сухую морщинистую щеку.

– Как же я рада Вам, бабушка! – я задержалась в ее объятиях чуточку дольше, чем следовало по этикету, вдыхая такой родной и почти забытый запах.

– Ну-ка, дай поглядеть на тебя! – она отстранила меня, всматриваясь в лицо, и на мгновение ее взгляд стал острым, цепким. Мне вдруг показалось, что бабушке видны все мои мысли и чувства, как на ладони, но она ничего не сказала, только ласково погладила меня по щеке.

Затем я обернулась к Филиппу Ивановичу, который уже поднялся с кресла, опираясь левой рукой на трость:

– Филипп Иванович, здравствуйте, рада Вас видеть!

– Ах, барышня, с возвращением! – он слегка поклонился и с улыбкой басовито произнес, – Как же Вы повзрослели! Время летит незаметно…

– Ох, а что же у Вас с рукой? – я заметила, что его правая кисть перемотана белой тряпицей, сквозь которую на середине ладони проступает кровь, и тут же осеклась, осознав свою нетактичность, – Прошу прощения, я не должна была…

«Мадам бы меня убила за такое!» – пронеслось в голове.

– Полно Вам! Не извиняйтесь! – он приобрел смущенный вид, – Коляска моя сломалась неподалеку, – показывая направление, он махнул рукой с тростью, при этом чуть не задев подол моего платья, – Попытались на месте починить

да не вышло… А поскольку я, как видите, хромаю, верхом отправиться не могу. Пришлось пешком идти сюда, к вам, и просить экипаж, дабы добраться домой. Но ваш, как оказалось, отправили за Вами. Меня любезно пригласили обождать и отужинать.

– И правильно сделали, – кивнула я, отступая на полшага назад.

Он же, видимо, приняв мой кивок за согласие услышать подробности, сделал шаг вперед, и принялся в деталях рассказывать мне о тонкостях устройства экипажей, размахивая при этом тростью, словно дирижер. Я сделала еще пару шагов назад, а бабушка негромко кашлянула. Но Филипп Иванович, обретя в моем лице крайне внимательного слушателя, не отступал и не смущался подобными мелочами. Он изображал в одном лице и себя, и кучера, описывая их спор о причинах поломки, чертил на полу воображаемые линии, чтобы я точно смогла оценить расстояние, которое он преодолел пешком, и только когда он, выдохнувшись, потянулся за чашкой чая, бабушка смогла его перебить:

– Филипп Иванович, нам, женщинам, сии материи слишком сложны, Вы уж нас простите... – улыбнулась она.

– Ох, простите великодушно, увлекся! Но эти экипажи и в правду довольно занимательно устроены... – развел руками смутившийся Филипп Иванович.

Я отвела взгляд и только тут заметила, что в нише для слуг у двери стоит незнакомый широкоплечий мужик с угрюмым

взглядом исподлобья.

– А это, – бабушка перехватила мой взгляд, – Архипка, мой слуга и верный помощник. Помнишь, я писала в письме?

Я кивнула, припоминая: она действительно упоминала в одном из писем несколько лет назад, что нашла себе слугу – еще до отмены крепостного права – молчаливого мужика, которого выкупила у пьяницы-хозяина. «Понимает с полуслова и верный, как пес», – писала она тогда.

– Бедные мои ноги, – вздохнула бабушка, – Совсем не ходят. Без Архипа я бы и из комнаты не вышла. Он меня везде водит – и по дому, и в сад, если погода хорошая. Кстати, про погоду! Филипп Иванович, расскажите-ка лучше, как вам весна? На редкость дождливо, не находите?

Филипп Иванович с готовностью поддержал беседу, и я позволила себе, наконец, расслабиться. Треск камина, ровный голос соседа, присутствие бабушки – все это успокаивало.

Мы едва успели обсудить весеннюю распутицу, как в дверях показался лакей и объявил, что кушать подано.

Впереди был ужин с семьей, который бесповоротно изменил всю нашу спокойную жизнь.

Глава 3

За окнами бушевала гроза: молнии раздирали небо одна за другой, ветер швырял в стекла пригоршни дождя, и где-то в каминной трубе завывало так жалобно, словно там поселилась неприкаянная душа.

Мы сидели за столом чинно, как и подобает приличному семейству, но спустя пятнадцать минут папенька, видимо, устал от этикета:

– А что, Филипп Иванович, – начал папенька с набитым ртом, и я внутренне поморщилась. Кусочки пищи мелькали у него на языке, когда он говорил, – Как нынче заливные луга? Говорят, у вас вода стояла долго.

– Да, Генрих Карлович, – после небольшой заминки ответил тот, – Подтопило изрядно. Но теперь уже ушла.

– Это хорошо, – батюшка шумно отхлебнул из рюмки и тут же собственноручно наполняя ее снова, – Земля-то, она любит, когда ее вода поит. А Вы, кстати, слыхали, что Онищев новые покосы прикупил? Смекалистый мужик, хоть и купец, а в земле толк понимает…

За окном полыхнула молния, и через секунду громыхнуло так, что задребезжали стекла.

– Ну и погодка, – батюшка крякнул и повернулся к соседу, – Слышь, Филипп Иванович, а Вы, я гляжу, сегодня отсюда никуда. В этакую бурю только сумасшедший в путь отпра-

вится. Эй! – крикнул он старому лакею Степанычу, стоящему в нише для слуг, – Распорядись там, чтоб соседу комнату гостевую приготовили. Все одно ночевать у нас будет.

– Слушаюсь, Генрих Карлович, – Степаныч поклонился и исчез из столовой.

Филипп Иванович слегка наклонил голову:

– Благодарю за гостеприимство. Не думал злоупотреблять, но, видно, сама судьба велит остаться.

– Пустое, – отмахнулся батюшка с ложкой в руке, и несколько жирных капель тут же легли на скатерть, – К утру, глядишь, и утихнет. А не утихнет – значит, и за обедом компания будет. Ты, Филипп Иванович, вообще редко у нас бываешь, а надо бы чаще. Соседи все ж.

Я смотрела на эти расплывающиеся пятна от соуса и думала: и этот человек отправил меня в пансион за хорошими манерами? Зачем? Чтобы я потом вышла замуж за такого же, как он – купца, который будет чавкать за ужином и считать, что образование дочери – это бесполезная трата денег?

Видимо, что-то все же отразилось на моем лице, потому что матушка перехватила мой взгляд и едва заметно покачала головой. «Не смотри так!», – говорил этот жест. Я слегка поджала губы, выражая все, что думаю об этом, и опустила глаза, как от меня требовалось.

Внезапно я услышала цокот каблуков и запыхавшийся голос старого лакея:

– Сударыня, нельзя же так… Я должен доложить… Суда-

рыня!

Двери распахнулись с такой силой, что ударились о стену, и в столовую влетела женщина. Молодая, с растрепавшейся прической, в мокром от дождя плаще, из-под которого виднелось выходное платье – слишком яркое для семейного ужина в приличном доме.

– Генрих! – воскликнула она и, не обращая внимания на наши ошарашенные лица, бросилась к отцу, – Генрих, милый!

Она повисла у него на шее, и я увидела, как батюшкино лицо из багрового сделалось сначала белым, потом фиолетовым.

– Ты? Ты что здесь… – задохнулся он, пока она чуть ли ни залезла к нему на колени. Папенька открывал и закрывал рот, как рыба, выброшенная на берег, и я впервые в жизни видела его таким растерянным.

– Генрих? Кто это?! – воскликнула маменька, вставая и прижимая руки к груди.

– Госпожа Курова! И господин Грушин, частный поверенный, – объявил, наконец, запыхавшийся Степаныч с совершенно несчастным выражением лица. Следом за ним появился молодой человек – высокий, худощавый, в безупречном сюртуке, хоть и насквозь мокром. «*Мадам бы оценила его опрятность*» – усмехнулась мысленно я. Его взгляд был страдальческий и брезгливый одновременно, как будто это мы все здесь прибыли к нему в гости, когда он никого не

ждал.

– Лилия Семеновна! – голос нашего незваного гостя аж звенел от негодования, – Я был нанят засвидетельствовать подпись, а не участвовать в семейных драмах! Позвольте мне удалиться, пока…

– Ах, оставьте, Григорий Александрович! – отмахнулась женщина, не отпуская шеи отца, – Генрих, дорогой, я приехала проверить, переписал ли ты наследство на нашего сына!

Этот возглас словно лишил столовую воздуха. И пока мы все замерли, переглядываясь, она визгливо припечатала:

– Ты обещал мне, милый!

Видимо упоминание о деньгах окончательно вывело папеньку из душевного равновесия. Во всяком случае, он отмер и, наконец, снял с себя эту бесстыдницу, при этом оттолкнув так, и она едва устояла на ногах, и то благодаря поддержавшему ее за локоток сердобольному Степанычу.

– Я же велел тебе… – зашипел он на гостью, но та, закатив глаза, тут же театрально раскинула руки, от чего ее плащ распахнулся, и принялась оседать в обморок.

– Генрих! Что это значит?! А как же наши дочери?! – перебила его разъяренная маменька. Я никогда не видела ее такой. Обычно тихая, покорная, вечно прячущая глаза, она шагнула вперед и вдруг замерла, глядя в сторону Лилии Семеновны, – Господи... Это же моя брошь! Из моего приданого! Ты подарил ей фамильную брошь?!

Я на мгновение отвлеклась: перевела взгляд на нашу го-

стью, которую едва успел подхватить Степаныч, громко охнув от неожиданности, как вдруг маменька подлетела к отцу и влепила пощечину. Папенька замер, хлопая глазами, и за столом воцарилась полнейшая тишина, но затем он отшвырнул от себя с такой силой, что она отлетела к стене и рухнула на пол, а он медленно шагал в ее сторону, все больше повышая голос:

– Да как ты посмела?! Мне! Прилюдно?! Бесполезная! О дочерях беспокоишься? А мои ли это дочери? Или может, вон, соседа?

Филипп Иванович вскочил, опрокинув стул, и поразительно быстро для хромающего человека преградил дорогу отцу, тыкая ему прямо в грудь своей тростью:

– Вы... вы негодяй! Вы оскорбили честную женщину! – раскат грома на мгновение заглушил его бас, словно неумелый аккомпаниатор, – …дуэль!

– Дуэль? – расхохотался папенька, – Ты, со своей тростью?

А я уже не смотрела на них.

Я бросилась к матушке. Она сидела на полу, прижимая руку к ушибленному плечу, и мелко дрожала, а из ее глаз текли слезы. Я подхватила ее под руки, помогая встать.

– Маменька, пойдемте, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо, – Вам нельзя здесь оставаться.

Боковым зрением я заметила, как бабушка пытается подняться, схватившись за край стола. Лицо ее было белее мела, но глаза… Если бы взглядом можно было убить, от папеньки

уже осталась бы пригоршня пепла.

Из ниши для слуг к бабушке уже выбежал Архип, ее новый слуга. Он наклонился, бережно взял ее под руку и помог встать. Бабушка оперлась на него, перевела дыхание, и молча пошла на выход из столовой. Я повела маменьку следом, по широкой дуге обходя любовницу отца, – та все еще изображала обморок, не забывая при этом подглядывать из-под опущенных ресниц на орущих друг на друга мужчин.

– Вы... вы ответите! – сосед уже рычал, перекрывая раскаты, – Я не позволю...

– …как куропатку подстрелю! – орал в ответ папенька.

– Господь Всемогущий помилуй, – бормотал Степаныч, пытаясь удержать незваную гостью.

– Завтра! – выкрикнул Филипп Иванович, и молния ударила так близко, что на миг все звуки исчезли в оглушительном грохоте.

– Эй, адвокатишка! – папенька обернулся к Грушину, который все еще стоял у двери, наблюдая за происходящим с выражением глубочайшей усталости, – Ты же явился засвидетельствовать, так свидетельствуй: этот господин сам напросился! Чтоб потом претензий не было!

Поверенный поморщился, но ничего не ответил. Он перевел взгляд на меня, и в этом взгляде мелькнуло что-то похожее на сочувствие – или мне показалось?

Я обернулась в дверях, встретившись взглядом с растерянным Степанычем, у которого лицо было такое, словно

он не оставляет попыток провалиться сквозь землю. Может, следовало выставить незваную гостью за дверь, в дождь и молнии, но что-то внутри, то ли пансионское воспитание, то ли просто брезгливая жалость, не позволило:

– Тащи эту.... – вздохнула я, кивая на обморочную любовницу, – в гостевые покои. И господина поверенного тоже размести, конечно, – Я перевела взгляд на Грушина и добавила, – Многоуважаемого поверенного.

Грушин кивнул с едва заметной усмешкой. Кажется, он оценил мой тон.

– Барышня?.. – в его голосе явственно слышалось: «А хозяин-то что скажет?». Но хозяин в этот момент был слишком занят – он орал на Филиппа Ивановича.

– Выполняй! – приказала я тверже, – Не по-христиански выгонять людей в такую грозу. Даже если они... – словно в подтверждение моим словам вновь громыхнуло, и в глазах старого лакея мелькнуло что-то похожее на облегчение.

– Слушаюсь, барышня! – повторил он уже намного увереннее и потащил плохо притворяющуюся гостью в коридор.

Я же повела матушку наверх, в ее комнаты. Бабушка с Архипом уже поднимались по лестнице впереди нас – медленно, ступенька за ступенькой. Матушка опиралась на мою руку, ее шаги были слабыми и неуверенными, а мне все еще не верилось в реальность происходящего.

Когда мы достигли второго пролета, бабушка со своим слугой свернула к гостевым покоям.

– Бабушка… – растерянно окликнула я ее, но она, обернувшись, только махнула рукой:

– Потом, внученька. Завтра уж поговорим!

Прежде чем подниматься дальше, на секунду я остановилась, прислушиваясь: внизу, в столовой, все еще слышались приглушенные крики папеньки, возмущенный бас Филиппа Ивановича и звон посуды, которым вторили громовые раскаты за окном.

Не так я представляла свое возвращение домой. Не так.

Глава 4

Я проводила матушку до спальни, где Палашка, ее личная горничная, тотчас принялась помогать своей хозяйке подготовиться ко сну. Наконец, закончив, служанка бросила на меня короткий понимающий взгляд и бесшумно удалилась, оставляя нас наедине.

– Маменька, да как же это… да что он себе… – начала я было, сев рядом с ней на кровать, но она не дала даже договорить:

– Он твой отец, Дарья! – голос ее звучал строго, но глаза были полны слез, и она смотрела не на меня, а на образа в углу комнаты, – Прекрати немедленно. Да убоится… – прогремел гром, но я и так знала, что дальше.

– Маменька… ну, разве ж так должно быть? – тихо спросила я, все еще не в силах осознать увиденное.

Повисла пауза.

– Бог терпел и нам велел, – вздохнула она, наконец.

– Да неужто Господь велел ТАКОЕ терпеть? – тихо спросила я и заплакала, испугавшись собственной дерзости.

– Дарьюшка! у тебя так не будет, слышишь? Не все мужчины таковы… – потянулась обнять, но поморщилась при этом, словно от боли, а в последний момент ее левая рука и вовсе замедлилась. Перед моими глазами всплыла картина, как она приземляется прямо на эту руку, и я разрыдалась

еще сильнее, не в силах сдержаться. Она тут же осторожно прижала меня к себе и погладила по волосам.

– Не плачь, милая… Не плачь…

– Я так ждала возвращения домой… – хныкала я в ее плечо, совсем как маленькая, – я не помню, чтобы так в детстве было.

Ее рука на мгновение дернулась, и она тяжело вздохнула.

– Неужели было? – с грустью догадалась я.

– У Генриха… у твоего папеньки характер всегда был тяжелым, но сегодняшнего не ожидала даже я, – помолчав, призналась она.

Мы посидели еще. Она утешала и утешала, хотя и сама судорожно вздыхала, явно стараясь сдерживаться. Наконец, мои рыдания стали тише, превратились во всхлипы, и матушка слегка отстранилась, бережно взяла мое лицо в ладони.

– Ну, все, Дарьюшка, успокойся, родная, – тихо произнесла она, заглядывая мне в глаза, – Иди теперь, ложись. Завтра все будет по-другому, вот увидишь. Господь не оставит нас.

Я кивнула, шмыгнула носом и осторожно высвободилась из ее объятий. Матушка вновь вздохнула, откинулась на подушки, и я поправила ей одеяло, погасила свечу у изголовья и на цыпочках покинула комнату, стараясь не нарушить ее покой.

Осторожно прикрыв за собой дверь, и прислонилась к стене, переводя дух. *«Что же делать? Попробовать снова по-*

говорить с отцом? После сегодняшнего ужина, когда он прилюдно усомнился в нашем с сестрами происхождении, – я поморщилась, вспомнив эту безобразную сцену, – *Нужны ли вообще ему дочери, если эта женщина родила ему наследника?*– я горько вздохнула, вспоминая, как перед отъездом в пансион просидела всю ночь, вышивая ему салфетку. Своими руками, дрожащими от волнения. А он, получил ее и даже не взглянул:

– Положи на стол, пригодится! – махнул он тогда рукой.

И вот, сегодня, через восемь лет разлуки, он не обнял меня, не сказал ласкового слова. Я попыталась вспомнить, когда он последний раз мне улыбался. Не вышло. Он всегда был нами недоволен, и теперь стало понятно от чего так.

«Маменька в этом доме, кажется, уважения меньше секретаря удостаивается… Посмотрим на этого Онищева, может не так он плох, и найду я с ним общий язык? Потому что если он такой же…»– я судорожно вздохнула. Это все было так ужасно, что казалось, хуже уже некуда.

«Хотя нет, – мысленно усмехнулась я тут же, – *еще хуже будет, если папенька действительно завещание на любовничьего сына перепишет. Господи, неужели это вообще возможно?! Совет бы испросить…».*

Не давая себе возможности передумать, я выдвинула ящик стола, достала лист почтовой бумаги и обмакнула перо. «Милостивая моя благодетельница, мадам Леонтьева!» – вывела я, но на том моя решительность улетучилась.

«И что я ей напишу?– нахмурилась я, – *Приезжайте, посмотрите на моего жениха? Сделайте так, чтобы папенька улыбался, глядя на меня?».*

Эта мысль почему-то даже развеселила: я представила, как она отчитывает моего папеньку, словно гимназиста, а он потеет, краснеет и старается незаметно спрятать уже налитую рюмку водки, но, неловко махнув рукой, проливает ее на свои бумаги. Чернила расплываются, он неловко пытается поймать эту рюмку, уже покатившуюся дальше к краю стола, а мадам Леонтьева улыбается краешком губ и склоняет голову с видом искренней заботы:

– Ах, Генрих Карлович, какая досада! Теперь придется переписывать все заново. Но, быть может, сама судьба подсказывает Вам отложить и рюмку, и бумаги, чтобы, наконец, подарить Вашей дочери хотя бы одно ласковое слово? Вы не поверите, но она все еще их ждет вопреки здравому смыслу!

Подперев голову свободной рукой, я позволила себе помечтать, как папенька после этих слов переводит на меня удивленный взгляд и неуверенно, словно делает это впервые, улыбается, – в моих фантазиях это было так просто и светло!

А в реальности по листу моего спонтанного письма уже расплылась уродливая клякса, напомнившая по форме маменькину брошь на груди той женщины. Заметив это, я отбросила перо, вскочила и в беспомощной злости смяла бумагу, будто пытаясь уничтожить само воспоминание вместе с ней, а затем принялась ходить по комнате, и половицы за-

скрипели в такт моим шагам. Ветер за окном то затихал, то с новой силой бросался на стекла. Я почти заглушила собственные мысли этим бессмысленным действием – и только когда замерла у окна, переводя дух, услышала тонкий, надрывный вой, доносящийся откуда-то из глубины дома.

Я накинула шаль, взяла свечу и осторожно, вышла в коридор, где с ужасом поняла: он доносится из родительских покоев – мне, как старшему ребенку, было позволено занимать ближайшую к ним комнату.

«Маменька?– сердце забилось чаще, – *Господи, да что там происходит?».*После сегодняшних событий, в голову лезли самые страшные мысли. Я торопливо забежала в гостиную, объединяющую их спальни, и ступила внутрь, прислушиваясь. Звук, вопреки моим ожиданиям, доносился из папенькиной спальни. Нерешительно толкнув чуть скрипнувшую дверь, я в ужасе замерла на пороге.

Мать, босая, простоволосая, сидела на краю кровати отца с лицом, залитым слезами, и раскачивалась из стороны в сторону, прижимая к груди подушку, и протяжно, почти без всхлипов, выла на одной высокой ноте. А на кровати, вытянувшись под одеялом, лежал папенька. С открытыми остекленевшими глазами и таким безмятежным выражением лица, словно он разглядывал потолок и остался доволен увиденным.

Некстати вспомнились мои недавние мысли. Я смотрела на мать, на подушку в ее руках и на мертвого отца, и мало-

душно на секунду пожалела, что не падается в обморок.

Дрожащими руками я поставила свечу на прикроватную тумбу, и невольно проследила его взгляд: потолок как потолок, лепнина по углам. «*Что же он там увидел? Ангела? Хоть кто-то удостоился его улыбки…*» – промелькнула мысль, и я заставила себя отвернуться.

– Маменька, – ласково позвала я ее, хотя голос подводил, порываясь сорваться в истерику, – Отдайте мне подушку.

Она вздрогнула, поднимая на меня глаза, полные слез и ужаса.

– Дарья... Дарьюшка... – зашептала она, – Я... я бы потерпела... но ради детей… – Она захлебнулась рыданиями, – Я... а он... а он даже не проснулся... Да что же теперь будет?!

Сглотнув вязкую слюну, я осторожно, словно гадюку, потянула из ее рук эту страшную, пуховую, ни в чем не повинную вещь. Положила ее на кровать. Как будто так и надо.

– Пойдемте, пожалуйста… – я взяла ее за ледяные трясущиеся руки, – Пойдемте к Вам.

Она послушно поднялась, и я повела ее обратно – через их общую гостиную к ней в спальню. Словно маленькую девочку, я уложила ее, рыдающую и дрожащую, в постель, укрыла одеялом.

– Я сейчас, маменька, – как можно ласковее прошептала я, – Только принесу лекарство… Мигом обернусь!

Я метнулась к себе за заветной склянкой с успокоительной настойкой – валериана, которую я покупала еще будучи

в пансионе, – влила почти полфлакона в воду и заставила мать выпить. Она послушно глотала, давясь слезами и стуча зубами по краю стакана.

– Спите, – прошептала я, держа ее за дрожащие руки и всматриваясь в ее измученное, словно разом постаревшее лицо, – Все будет хорошо. Я рядом.

Она еще долго всхлипывала, что-то тихо бормотала, но просто я продолжала гладить ее по волосам. Наконец, ее дыхание постепенно начало выравниваться. Убедившись, что она провалилась в сон, я направилась обратно в спальню отца.

Ноги не слушались, но я заставила себя подойти к кровати. Свеча так и стояла рядом, и в ее неровном мерцании папенька выглядел почти счастливым – мелькнула глупая, неуместная мысль, а я все стояла и никак не решалась дотронуться. Казалось, что он вот-вот поднимет голову и переведет на меня свой взгляд, но время шло, а он все также, не моргая, изучал потолок.

Вздохнув, трясущейся рукой я, пересилив себя, наконец, закрыла ему веки. Он был совсем теплый, словно и правда только что уснул. Потом перекрестилась сама и перекрестила его, шепча молитву.

«Прости меня, Господи, и его прости, и матушку мою, если можно…»

Внезапно за дверью послышались осторожные, крадущиеся шаги. Сердце мое подпрыгнуло и забилось где-то в горле.

«Кто же это в такой час в гостиной родителей? – я заметалась, осознав главное, *– Никто не должен меня здесь увидеть!»,* тот часзадула свечу и нырнула под кровать. Вовремя.

Дверь тоскливо скрипнула, но из-под кровати не было ничего видно. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно во всем доме. Кто это? Что происходит? Ночной гость подошел к кровати, потом раздался шепот, злой, полный ненависти:

– Чтоб ты сдох!!!

Всхлип. Торопливые шаги, и, наконец, – тихонько хлопнула дверь спальни. Я выждала еще несколько минут, прислушиваясь. Тишина. Тогда только я выползла из-под кровати, поднялась на ноги и тут же отшатнулась.

На лице отца лежала подушка. Та самая, которую я забрала у маменьки из рук. А из груди его, чуть ниже ключицы, торчала рукоять ножа.

Я поспешно зажала рот руками, давясь вскриком, но тут молния на пару мгновений залила комнату ярким белым светом, и я увидела то, что меня добило окончательно: рукоятка с алыми драгоценными камнями и черненым серебром... Фамильный кинжал из маменькиного приданого!

Перекрестившись дрожащей рукой, я убрала подушку с лица отца. Он по-прежнему выглядел кротко и благостно.

«*Нужно вынуть кинжал и спрятать!* – озарило меня,– *Страшно, до ужаса страшно, но надо! Если оставить – утром найдут его, подозрения падут на мать, этот пове-*

ренный засвидетельствует, и ночного гостя, даже искать не станут. А может и вовсе это он и был?».

Я огляделась. Подушка – на ней наволочка, белая, полотняная. Я стащила наволочку, обмотала ею рукоятку, – не смогла себя пересилить и взять голыми руками, – зажмурилась и рванула.

Кинжал вышел со странным, влажным звуком, и на темном халате, в который был одет папенька, мокрое пятно крови блестело почти незаметно. Я завернула кинжал в наволочку, зачем-то поправила одеяло на теле отца, укрыв его почти до подбородка, и, не в силах более держаться, выбежала вон.

В своей комнате я упала на кровать, беззвучно разрыдавшись в запоздалой истерике. Внезапно жуткая мысль, заставила меня вскочить на ноги: «*Если будет расследование, этот нож найдут у меня, и все станет еще хуже! Избавиться! Срочно! Сейчас же, пока никто не видит!».*

Не помня себя, я выбежала через черный ход, провалившись сразу же по щиколотку в ледяную лужу, и помчалась к старому, заколоченному колодцу. Ломая ногти, я с трудом сдвинула верхнюю доску. Руки не слушались, но я даже не почувствовала боли: только одна мысль билась: *«Только бы никто не видел. Только бы никто не видел».*

Сверток с кинжалом, завернутый в наволочку, оттягивал руку. Я размахнулась и швырнула его в черный провал. Секунда, и раздался едва слышный всплеск.

«Все... не найдут... Улик против маменьки больше нет...»

Злой, холодный дождь хлестал по лицу, меня трясло, промокли насквозь домашние туфли, но еще страшнее было то, что творилось в моей душе: *«Если бы маменька не заходила в комнату, его бы все равно убили. Кто же это…?»*. Я стояла у колодца, и перебирала в уме всех, кто был в доме, – «*Скорее всего, все-таки Лилия с поверенным… Если отец подарил ей брошь, то почему бы и не кинжал заодно? А вдруг он уже переписал завещание и сообщил ей об этом? Неизвестно ведь, что там было после нашего ухода…*». Слезы ручьями текли, но я пыталась не скатываться в истерику, а размышлять.

«Завещание. Нужно найти завещание!» – озарило меня, и не теряя больше ни минуты, я побежала обратно в дом, ко входу для слуг. К счастью, хватило мозгов разуться и завернуть в плащ испорченные туфли, измазанные в грязи. «*Придется на рассвете выйти в них во двор*– будто просто решила подышать свежим воздухом, чтобы вопросов к их состоянию не *возникло*» – сделала я мысленную пометку.

Вздрагивая от каждого шороха, я на цыпочках побежала на второй этаж к отцовскому кабинету. Сердце билось так, что, казалось, заглушало шум дождя за окном.

Двери оказались не заперты. Войдя, первым делом подперла ручки стулом изнутри и на негнущихся ногах прокралась к столу. Я запретила себе даже думать о том, что делаю, – одна лишь мысль обо всем этом грозила вызвать новый поток слез.

Я зажгла огарок свечи, найденный на столе, и огляделась. Письма, счета, какие-то записки, небрежно выглядывающие друг из-под друга на столе, рюмка, стоящая прямо на каких-то бумагах. На краю стола так сиротливо и лежали нераспечатанные письма девочек. Присмотревшись, я заметила под ними края страниц с аккуратной разметкой на «Приходъ», «Расходъ», «Остаток». Потянувшись за свертком с письмами (захотелось забрать их от чужих глаз), я случайно задела ногой пустую бутылку под столом, и она с тихим звоном покатилась. Аж присела с испуга! Сердце колотилось, словно заячье. Но никто не ворвался с разоблачением и криками, и я перевела дух, бросив взгляд под стол – там обнаружился целый ряд таких бутылей.

Медленно вздохнув и выдохнув, чтобы хоть немного успокоить нервы, я продолжила обыск, отложив идею забрать письма на будущее, и принялась за ящики стола. Ничего похожего на завещание, зато в верхнем из них, под ворохом бумаг, обнаружилась связка ключей. Я схватила ее и побежала к старому сейфу, стоящему в углу еще со времен моего детства, и принялась перебирать ключи один за другим.

Наконец, справившись с дрожью в руках и замком, я решительно потянула тяжелую дверцу.

Внутри лежало немного ассигнаций, какие-то документы, папенькина подвесная печать и два плотных конверта, оба запечатанные сургучом.

Первый – старый, пожелтевший, с пометкой небрежным

папенькиным почерком: «Духовное завещание Генриха Карловича Крамозова, купца первой гильдии. 1859 год», а обороте три подписи незнакомых мне имени.

Второй конверт – новый, белый, с вчерашней датой. Не об этом ли завещании кричала эта бесстыдная женщина, что сейчас спит на втором этаже, злоупотребляя нашим гостеприимством?

Я поднесла его к свече, вглядываясь в надпись. Та же рука? Те же буквы?.. Но что-то было не так. Почерк отца был какой-то... слишком ровный. Я перечитывала письма матушки в пансионе с его короткими приписками в конце столько раз, что они будто отпечатались у меня перед глазами.

Медленно подойдя обратно к столу, приложила конверт к первому попавшемуся листу. Похоже, очень похоже. Да вот только на конверте буквы были без мелкой дрожи на хвостиках. Не слишком ли ровно для того, кто оставляет под столом три пустые бутылки?

«И кто же стал свидетелями?»

Я перевернула конверт, и у меня внутри словно что-то оборвалось. На обороте, рядом с сургучной печатью, стояли две подписи:

Илья Ильич Конин.

Степан Парфенович Онищев.

И пустое место. Для третьей подписи.

«Секретарь, мой женишок и место для кого-то еще. Уж не для поверенного ли, который приехал с этой Лилией как-

ее-там? Как удобно: приехал, убил папеньку, обвинил маменьку и завещание бы заодно заверил… интересно, почем нынче подобные услуги?» – зло усмехнулась я, – *вот уж не позволю!»*. И я решительно сунула новый конверт за пазуху, а старый – обратно в сейф. Поколебавшись, я достала его печать из сейфа и решила забрать с собой: «*Ненадолго – пока посторонние не уедут, просто на всякий случай!»*. Едва я успела его закрыть, как вдруг из коридора донесся шум, и вдруг – глухой удар и звон бьющегося стекла. В мгновение ока я задула свечу и затаилась под столом, словно меня могли увидеть.

Сколько я так просидела, обнимая колени и считая удары собственного сердца? Вечность, если верить ощущениям. Наконец, все затихло. Даже гроза за окном перестала, и в разрывах туч, начала проглядывать луна.

Медленно, осторожно я выползла из-под стола. Ноги дрожали так, что пришлось ухватиться за край, чтобы не упасть.

«Надо уходить. Немедленно!»

Заперев трясущимися руками сейф, на ощупь бросила ключи в ящик, подошла к двери и прислушалась.

Тишина.

Осторожно выскользнула в коридор, и, едва не выронив свой плащ и туфли, обмерла, невольно попятившись: на площадке перед лестницей, залитой лунным светом, обнаружился… папенька.

Он был все в том же темном халате и лежал на животе,

но его лицо, по-прежнему умиротворенное, было обращено в мою сторону, отчего мне сделалось дурнее дурного. Луна сквозь оконце лестничного пролета равнодушно освещала, неловко раскинутые руки, белеющие ноги, отбрасывала длинную тень от перил на его спину. Все выглядело так, будто он упал с лестницы. Но… как?

Я смотрела на него и не могла пошевелиться. Все происходящее казалось каким-то безумным сном. Наконец, я осмелела и подошла на пару шагов ближе. Вокруг него блестели осколки бутылки, а сам папенька перегородил лестницу босой ногой. Заставить себя перешагнуть, чтобы подняться в спальню, оказалось выше моих сил. Постояв так еще несколько мгновений, я медленно, шатаясь от нервов, на цыпочках побрела через весь второй этаж к лестнице для слуг – мимо гостевых комнат, в одной из которых с комфортом отдыхает убивец после трудов своих неправедных.

Наконец, я прибежала к себе, заперлась, словно и ко мне может заглянуть проклятый ночной гость, и медленно сползла по двери, выпустив из рук, наконец, мокрый плащ, из которого с глухим стуком выпали изгвазданные домашние туфли.

«Кажется, не получится мне по утру выйти во двор, чтобы «встретить рассвет», если я не хочу первой «обнаружить» папеньку», – промелькнула нервная мысль.

В углу комнаты за ширмой стоял таз и кувшин для умывания. С кряхтением, словно столетняя старушка, я, выло-

жив на стол завещание, подобрала туфли и отправилась их отмывать при свете одинокой свечи. *«Эта ночь когда-нибудь закончится?!»*– мысленно ворчала я, давая себе зарок больше никогда не ныть по пустякам после сегодняшнего.

Когда мне показалось, что я сделала уж точно все, что могла, – только тогда я позволила себе переодеться в сухое домашнее платье, и лечь на кровать, взяв в озябшие от холодной воды руки конверт.

Сургуч тускло поблескивал в свете свечи. Подписи Ильи Ильича и Онищева резко выделялись на белом фоне.

«Что там внутри? Неужели и правда папенька переписал все на сына этой Лилии? –размышляла я, – *Может открыть, одним глазом хотя бы взглянуть?* – я аккуратно подцепила сургуч, но он, видимо, намертво приклеился, и только бумага натянулась, – *А вдруг я его сейчас вскрою, а он потом понадобиться папенькиного убийцу изобличать? Приберегу до полицмейстера лучше… А можно просто сжечь им назло?»*.

Поколебавшись, все же решила просто спрятать – между задней стенкой богато украшенного киота с иконой в углу комнаты. На всякий случай…

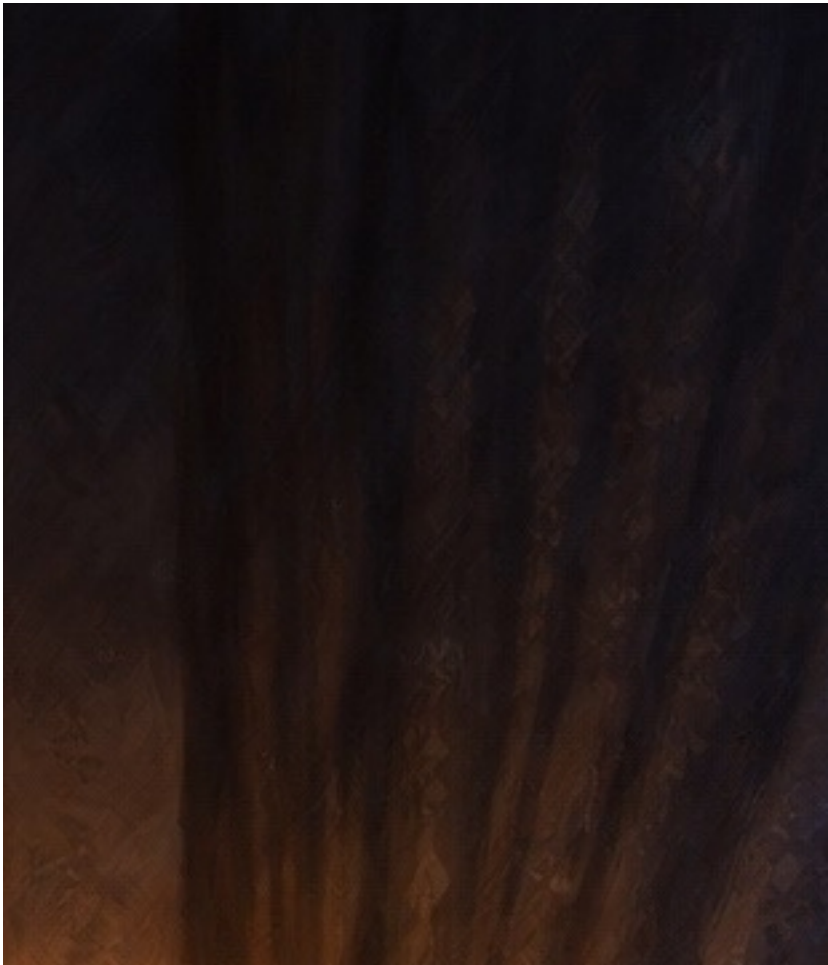
*«Правильно ли я поступаю?»*Но в груди вместо ответа плескалась только холодная, тяжелая решимость, – «*Я защищаю свою семью. Маменьку, сестер. Все остальное потом!»*

Сон не шел, и я, побродив из угла в угол, выдохнула и села на пол, спиной к двери, глядя на иконы в углу комнаты.

Хотелось молиться, но перед глазами так и мелькали события сегодняшнего дня, пока губы сами шептали заученные слова.

Маменька… Бедная моя маменька, прости ее Господи...

Визуализация: кинжал



Глава 5

Чей-то пронзительный визг заставил меня очнуться ото сна, и я вскочила, не понимая, где я и что происходит. Сердце заколотилось где-то в горле. За окном уже светало, гроза утихла, оставив после себя серое, хмурое утро. Оказалось, что я вчера так и уснула – сидя на полу и подпирая дверь. И в первый миг, в ту самую секунду, когда сознание еще не включилось полностью, меня захлестнула дикая, иррациональная надежда: а вдруг это все мне приснилось?

Но визг повторился – женский, полный неподдельного ужаса.

– Господи, – выдохнула я, хватаясь за грудь, – Маменька…

Я вскочила, на ходу оправляя платье – слава Богу, я уснула одетой. Волосы растрепались, пришлось пригладить их ладонями, заправить выбившиеся пряди за уши и побежала на звук.

Голоса доносились от лестницы, ведущей вниз. Я подбежала к лестнице, ведущей на второй этаж, и невольно отшатнулась, прижав руку ко рту. При дневном свете он выглядел еще ужаснее: неестественно вывернутая шея, темный шелковый халат, сбившийся и открывающий бледные волосатые ноги. Рядом – разбитая бутылка, осколки которой разлетелись по всему полу, а лужа и брызги напитка некрасивыми пятнами успели высохнуть на светлом паркете.

После всего произошедшего со мной за ночь силы покинули меня окончательно. Я не бросилась к отцу, оставшись стоять на верхней ступени: успела уже и смириться с его смертью, и попрощаться, и помолиться за его душеньку. И теперь в каком-то душевном оцепенении, словно со стороны, я смотрела, как Лилия, одетая уже в другое, более темное и скромное платье, стоя на коленях прямо на полу рядом с ним, заламывала руки:

– Генрих! Генрих! – голосила она на одной ноте, – Упал! С лестницы упал!

Рядом с Лилией обнаружился и недовольный поверенный, сидевший на корточках рядом с папенькой.

«И эти уже здесь, естественно…»– мелькнула злая мысль.

Чуть поодаль жались к стене слуги. Степаныч стоял белее снега, и, кажется, старый лакей был единственным, у кого я заметила слезы. У остальных слуг лица выражали смесь любопытства и ужаса, а может даже и злорадства. Среди наших лакеев я увидела и Архипку, бабушкиного слугу, но он был абсолютно спокойным, а вот самой бабушки на этаже не было. «*Нужно будет ее проведать, не случилось ли чего…* – пообещала я себе, не в силах отвести взгляд от безобразно раскинувшегося тела, и тут же подумала, что хорошо хоть сестры этого не видят. А потом до меня дошло: они ведь и на похороны не успеют, – *Даже если прямо сейчас за ними послать… Пока экипаж доберется до Тверской губернии, по-*

ка соберут девочек, пока они доедут обратно по размытой весенней дороге – пройдет дней пять, не меньше... Наверное, так даже к лучшему: пусть запомнят его сердитым, громким – каким угодно, только не таким…».

Внезапно из коридора второго этажа, где располагалась его комната, выскочил Илья Ильич. Как всегда, суетливый, в явно наспех накинутом сюртуке.

– Что случилось? – затараторил он, подбегая, – Генрих Карлович… Лежите-лежите! Боже мой… Надо послать за доктором… Он поможет!

Филипп Иванович, прихромавший следом за ним, растерянно пробасил:

– Так ведь не поможет доктор-то…

«То есть то, что у него голова, будто у птицы, свернута, не смущает? Неужели он всерьез думает, что ЭТО можно вылечить?!»

– Он умер вообще-то, – вздохнул Грушин, глядя на него с любопытством и немым укором. Да что там, мне даже показалось, что папенька, чье лицо было обращено как раз в его сторону, изумился, если бы мог.

– Как умер?! Генрих Карлович! Генрих Карлович! Горе-то какое! – запричитал секретарь не хуже Лилии.

На их крики выскочила и маменька, бледная, с темными кругами под глазами, а за ней – ее горничная, Палашка. Матушка, подбежав ко мне, бросила взгляд в низ лестницы и затряслась крупной дрожью, вцепившись мне в руку.

– Что же это… Как же это, барыня? – тихо пищала позади нас Палаша, – спаси и сохрани, Господи…

– Убийство. Нужно вызвать полицмейстера, – раздался тем временем спокойный голос Грушина.

Я удивилась: если он в сговоре с Лилией, какой ему толк? И тут же сообразила: «*Он же думает, что сможет маменьку обвинить и завещание новое подтвердить заодно… Ну, уж нет, голубчик, не угадали!*».

Илья Ильич вновь засуетился, затараторил, будто мало было голосящей Лилии и причитающих слуг:

– Зачем? Человек просто упал с лестницы-с! Незачем уважаемых людей беспокоить…

– Сам? – Грушин приподнял бровь, – Вы уверены?

– А что же еще? – встряла Лилия, перестав на мгновение рыдать, – Я наняла вас для завещания, Григорий Александрович, а не для того, чтобы Вы тут глупостями занимались! Не нужно никакой полиции!

– Лилия Семеновна права, – подхватил секретарь, – Нечего выносить сор из избы. Если барин умер, горе-то какое! То так и похороним тихо, по-христиански…

– Илья Ильич, – холодно перебила я, подняв бровь. Он запнулся и уставился на меня, – Вы здесь никто. Секретарь. Не более того.

Он побагровел, открыл рот, но я уже повернулась к Грушину.

– Вы правы. Нужен полицмейстер, – и, найдя глазами Сте-

паныча, кивнула лакею, – пошлите Прошку в церковь за батюшкой, а затем в город за полицмейстером и поверенным, пусть приезжает с документами, – я обернулась на маменьку, – и за доктором для маменьки. Быстро.

– Благодарю, – кивнул Грушин, негромко окликая уже уходящего Степаныча, – Мне скажите, когда снарядитесь в город, мне нужно будет…

Я уже хотела было развернуться и увести маменьку, как вдруг он, перекрикивая рыдания Лилии, объявил уже во всеуслышание:

– До приезда полицмейстера я беру на себя первоочередные действия по сохранению улик. Те, кто попытаются покинуть усадьбу… – он обвел всех взглядом, – думаю, у полицмейстера к таковым будут особые вопросы, так что не советую… А теперь прошу меня простить!

Мы встретились с ним взглядом, и он чуть приподнял подбородок, словно ждал реакции на его самоуправство. Я кивнула, – а что мне оставалось? – и он шагнул обратно к папеньке.

«Ишь ты, как будто взаправду старается, убивец!– мелькнула ехидная мысль, – *Пусть приезжают, а я уж постараюсь до их приезда разобраться, кто папеньку сюда перенес!».*

На мгновение перед глазами вспыхнули картины вчерашних моих поисков, и я возблагодарила Бога, что догадалась отправиться ночью в кабинет!

Тем временем, поверенный чуть приподнял безжизненное тело за плечи, и все, кто были рядом, ахнули разом. Под папенькой обнаружилась лужа крови. Грушин медленно поднял голову и посмотрел на Лилию.

– Это Вы сейчас глупыми играми назвали, сударыня?

Лилия открыла рот, потом закрыла, потом издала такой визг, что у меня заложило уши.

– А-а-а! Убийство! Убили! – заверещала она еще громче, хватаясь за голову.

Матушка, и без того еле живая, побледнела еще больше, глаза ее закатились, и она начала медленно оседать.

– Маменька! – мы с Палашей едва успели подхватить ее.

Я тут же сделала знак Аграфене, стоявшей внизу, чтоб бежала ко мне. Экономка заметалась – видно, хотела броситься через парадную лестницу, но, наткнувшись взглядом на папеньку, вздрогнула всем корпусом, всхлипнула и бросилась вглубь второго этажа – к черновому ходу для слуг, чтобы, наконец, подоспеть на помощь.

– Я распоряжусь, чтобы подали завтрак, – обернувшись, громко объявила я, напоследок обводя взглядом присутствующих. «*Особенно для тех, чей аппетит сильнее мук совести*», – мысленно добавила я, – И прошу всех слушаться господина Грушина до приезда полицмейстера, – Я посмотрела на поверенного, – Вы распоряжайтесь здесь. Я должна помочь матушке.

Он кивнул, хотя я не нуждалась в его одобрении, и мы,

осторожно, стараясь не потревожить, понесли маменьку, еще не пришедшую в сознание, в ее комнату, а вслед нам доносились причитания Лилии и спокойный, размеренный голос Грушина, который, кажется, уже начал давать указания слугам.

***

В спальне обеспамятевшую маменьку мы уложили на кровать. Аграфена суетилась, открывая окно, Палашка тут же принялась расшнуровывать ей платье, а меня словно молнией ударило: а ведь она ночью была простоволоса, – волосы распущены, как у девицы, – и когда она сидела на кровати отца, раскачиваясь и воя, волосы падали на лицо, закрывали плечи. «*А вдруг на подушке, на одеяле, на полу найдется ее волос…*»

– Палаша, – окликнула я горничную как можно спокойнее, – пойдем-ка со мной!

– А куда, барышня? – испугалась она.

– В спальню папеньки. Нужно зеркала завесить.

Она побледнела и попятилась:

– Ой, барышня, не могу я… Говорят, если в спальню к покойному сразу после смерти зайти, он во сне являться будет!

– Палаша! – нахмурилась я, – Не рассуждай. Идем.

Она всхлипнула, но послушно поплелась за мной.

В спальне отца было тихо и сумрачно. Шторы задернуты, подушка, та самая, валялась на полу. Я бросилась сама снимать остальные наволочки и прикрикнула на горничную:

– Бери простыни чистые и завешивай зеркала! – скомандовала я, – И постель нужно перестелить! Пришлось уже самой начинать, пока ты копаешься… Давай живей! Нечего уважаемым людям на грязное белье глядеть!

– Барышня, а вдруг он ночью ко мне прийдет и с собой на тот свет утащит? – прошептала она, прижимая руки к груди.

– А есть за что? – прищурилась я, в голове уже соотнося ночной шепот с Палашкиным голосом.

«Неужели она?!» – пронеслось в голове.

– Ну, вдруг дух его неупокоенный здесь, – она заозиралась, словно призрак папеньки и в правду мог наполовину из стены вылететь, – а я его ну… тревожу?

В этот момент в тишине раздался глухой удар, будто что-то тяжелое упало, отчего я невольно вздрогнула.

– Господь Всемогущий, спаси и сохрани! – аж присела Палаша, быстро-быстро крестясь, – Генрих Карлович, не губите! Да, я барыню всегда жалела, Вы уж простите! Ну, нельзя ж так жить было!

Звук повторился, и я замерла, прислушиваясь. Взгляд упал на окно, и в этот момент ставня качнулась и с треском снова врезалась в фасад.

– Это ставня хлопает, уймись! – прикрикнула я, – Долго мне тебя ждать еще?!

Она, наконец, принялась за постель, а я внезапно уловила слабый, едва заметный аромат валерианы. «*Но как такое возможно*?!» – удивилась я и торопливо распахнула окно, на

всякий случай. Свежий, холодный воздух хлынул в комнату.

– Барышня! – пропищала горничная, – Тут! Тут кровь!!! Пододеяльник в крови! – она выронила из рук одеяло и отпрыгнула от кровати с таким ужасом на лице, словно и в правду папенька лично пришел за ней.

Я обернулась: подушки уже были без наволочек, а одеяло валялось неопрятной кучей на полу. «*Даже если найдут волос, спишут на небрежную уборку*» – решила я, успокаиваясь.

– Ты ведь понимаешь, что это в любом случае придется сделать? – вкрадчиво поинтересовалась я.

– Ну, не могу я! – прохныкала она, а я с облегчением выдохнула: «*Не она, это у точно!*».

– Зеркала занавесь прямо сейчас, остальное можешь потом доделать, – махнула я рукой и, уйдя в родительскую гостиную, присела в кресло – от пережитого вновь дрожали колени.

Взгляд, блуждая по комнате, остановился на резном столике у окна. В старину говорили: «Богатство не прячут, им гордятся». Так было заведено и у нас: на накрахмаленной салфетке поблескивал ажурный ларец с лакированной крышкой, в котором, как я помню еще с детских лет, хранились фамильные маменькины драгоценности, в том числе и приданное, собранное еще бабушкой, – серьги с крупными червлеными яхонтами, играющими алыми бликами, несколько ажурных брошей и колец с более скромными

вставками, но в обрамлении причудливых завитков, и браслеты с мелкой россыпью камней, будто с каплями крови. Там же должен был лежать и тот самый злополучный кинжал.

В нелепой надежде – а вдруг мне приснился кинжал, если папенька сейчас под лестницей?! – я поднялась и медленно, осторожно приблизилась и к шкатулке, словно к дикому зверю. Было страшно убедиться, что ночью мне не почудилось. Пытаясь успокоиться, я смотрела в окно, где начиналось пригожее весеннее утро, и яркое солнце так неуместно радостно светило. «*Просто открой шкатулку и убедись, что кинжал на месте!*», – уговаривала я себя, как вдруг за моей спиной раздался требовательный стук.

Глава 6

Григорий

В ту ночь не спал и Григорий Александрович Грушин. Охваченный тяжелыми мыслями о своем незавидном положении, он стоял у окна гостевой комнаты и наблюдал за бушующей грозой. Ветер гнул деревья на хозяйственном дворе усадьбы, дождь яростно хлестал по стеклам – но все это будто проходило мимо его сознания.

– И зачем я только согласился? – пробормотал он вполголоса.

Ответ был прост и унизителен: от безденежья.

В Арзамас он перебрался полгода назад – подальше от родных мест, где все напоминало о недавней смерти отца и грызне родственников за наследство. В этом уездном городке жил старый друг семьи, который не только поддержал морально, но и даже подыскал для него приличную квартирку на первое время, не говоря уж о бесчисленных советах.

Предвкушая много интересной работы, Григорий быстро снял помещение под контору и даже нанял помощника – такого же приезжего, как и он сам. Увы, но в этом тихом городке университетский диплом, амбициозные планы и даже рекомендательные письма от друга семьи оказались почти бесполезны: споры здесь чаще решались за чашкой чая, чем в

суде.

Он уже всерьез подумывал пробовать свои силы в столице – там хоть конкуренция выше, но зато клиентов намного больше, – и даже начал распродавать мебель, как вдруг в его бедную конторку, размахивая ридикюлем, вплыла она. Лилия Семеновна.

Помощник придержал для нее дверь с таким довольным видом, что Григорий понял: пока он вел гостью через приемную, то успел живописать все услуги конторы – от составления судебных исков до предсказания погоды.

Она с порога выложила пятьдесят рублей задатка, путано пояснив, что ей нужен свидетель для подписи завещания: возлюбленный, видите ли, готов переписать наследство на их общего сына.

– Но Вы же знаете этих мужчин, – она театрально вздыхала и принималась жаловаться на жизнь вместо описания конкретных обстоятельств дела, – вечно им некогда, вечно они заняты делами. А женщине как одной, без поддержки, как?

Григорий уловил суть: надо ехать с ней в пригород, удостоверить волеизъявление некого купца Крамозова. Дальнейшие

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.